

*Посвящается портнихам
и их семьям*

Вступление

— Трудно в это поверить, да?

Это едва ли не первое, что мне сказала миссис Когут после того, как ее гостеприимная и дружелюбная семья радушно приняла меня в ее доме. Вот она — низенькая, смышленная женщина в свободных брюках, блузке и бусах. У нее седые короткостриженные волосы и розовая помада. Ради нее я облетела половину земного шара — с севера Англии в скромный дом в холмистой местности неподалеку от Сан-Франциско, штат Калифорния.

Мы пожимаем руки. В этот момент история становится чем-то реальным, осязаемым — это больше не архивы, стопки книг, ткани и дизайны платьев, на которые я обычно полагаюсь при написании работ или создании презентаций. Я знакомлюсь с женщиной, которой удалось выжить в месте, ставшем синонимом ужаса.

Миссис Когут садится за покрытый кружевной скатертью стол и предлагает мне домашний яблочный штрудель. Во время наших бесед она сидит на фоне книг вперемешку с букетами цветов, красивой вышивкой, семейными фотографиями и разноцветной керамической посудой. Первое интервью мы

начинаем расслабленно, рассматривая журналы по пошиву одежды 1940-х годов, которые я принесла ей показать, затем изучаем стильное красное платье военных годов из моей собственной коллекции.

— Качественная работа, — говорит она, пробегая пальцами по декоративным фрагментам платья. — Очень элегантно.

Удивительно, как стремление красиво одеваться может объединять людей разных поколений, жителей разных континентов. За нашей любовью к стилю и мастерству пошива одежды стоит нечто куда более серьезное: много лет назад миссис Когут обращалась с тканью и одеждой в совершенно другом контексте. Она — последняя оставшаяся в живых портниха модного ателье в концлагере Освенцим.

Модное ателье в Освенциме? Само словосочетание звучит ненормально. Я была поражена, когда впервые увидела упоминание так называемого «Верхнего ателье», изучая связи Третьего рейха и модной индустрии для написания книги о международной торговле текстилем в военные годы. Очевидно, что нацисты осознавали, как важна одежда, и понимали, как использовать ее в качестве отражения статуса. Об этом свидетельствует привлечение ставшей узнаваемой формы на массовых публичных собраниях. Униформа — классический пример использования одежды для поддержания групповой идентичности и гордости, вызываемой принадлежностью к группе. Нацистская экономика и расовая политика были направлены на получение выгоды от модной индустрии, а награбленные средства использовали для финансирования вооруженных сил. Магда Геббельс, жена коварного министра пропаганды Гитлера, славилась своей элегантностью и была совершенно не против ношения сделанной евреями одежды, несмотря на то что евреям пытались ограничить доступ к мануфактуре. Эмми

Геринг, жена рейхсмаршала Германа Геринга, расхаживала в краденых вещах, хотя утверждала, что не знает, откуда берется ее одежда. Ева Браун, любовница Гитлера, обожала моду настолько, что ее свадебное платье доставляли к невесте через горящий Берлин. (Кстати, за несколько дней до их с Гитлером самоубийства и капитуляции Германии.) На свадьбу Ева также надела туфли от *Ferragamo* [1].

И все же — модное ателье в Освенциме? Эта мастерская заключала в себе так называемые ценности Третьего рейха: качество привилегии и потворства своим желаниям в связке с мародерством, унижением и массовыми убийствами.

Ателье в Освенциме открыла Хедвига Хёсс — жена коменданта лагеря. И если само наличие модного ателье в лагере смерти не показалось вам достаточно гротескным, вы все поймете, когда узнаете, кто там работал: почти все швеи были еврейками. Их привезли туда нацисты, и в конце всех ждало уничтожение, согласно «окончательному решению». К ним присоединились нееврейки — коммунистки из оккупированной Франции, которых тоже ждала смерть за сопротивление нацистам.

Эта группа стойких поработанных женщин моделировала, шивала и вышивала платья фрау Хёсс и других эссовских жен — они создавали прекрасную одежду для тех, кто их даже за людей не считал; для жен тех, кто посвятил себя уничтожению евреев и политических противников нацистского режима. Для портних в Освенциме шитье стало надеждой на спасение от газовых камер и печей.

Портнихи, создавая прочные связи, основанные на дружбе и верности, таким образом противились попыткам нацистов унижить их и лишить их человечности. Под шум швейных машинок эти женщины составляли планы сопротивления и даже побега. В этой книге — их история. Перед вами не художественное изложение событий, все происшествия и диалоги

полностью основаны на показаниях, документах, материальных доказательствах и воспоминаниях, пересказанных членам семьи или мне лично, и подтверждены архивными документами.

Узнав о существовании ателье, я взялась за подробное исследование этого вопроса, вооруженная лишь базовой информацией и списком имен: Ирена, Рене, Браха, Катька, Гуня, Мими, Манси, Марта, Ольга, Алида, Марилу, Лулу, Баба, Боришка. Я уже почти отчаялась найти другую информацию, не говоря уже о полных биографиях портних, как вдруг мой роман для подростков, действие которого происходит в вымышленной версии этого ателье, привлек внимание нескольких семей в Европе, Израиле и Северной Америке. Начали приходить электронные письма:

«Моя тетя была портнихой в Освенциме».

«Моя мама была портнихой в Освенциме».

«Моя бабушка возглавляла ателье в Освенциме».

Внезапно у меня появилась связь с семьями настоящих портних из Освенцима. Знакомство с их историями одновременно шокировало и вдохновило меня.

Поразительно, но одна из портних оказалась все еще жива и более чем открыта к общению — это уникальный свидетель, некогда находившейся в месте, отразившем всю жестокость нацистского режима. Миссис Когут, которой на момент нашей встречи было 98 лет, принимается рассказывать, прежде чем я успеваю задать первый вопрос. У нее невероятный диапазон воспоминаний: от гор конфет и орехов, подаренных в еврейский праздник Суккот, до эсэсовца, лопатой ломающего шею ее однокласснице в Освенциме — просто за то, что она заговорила во время работы.

Миссис Когут показала мне фотографии себя в молодости. До войны она — подросток в опрятном вязаном свитере с цветком магнолии в руках. На послевоенном фото она в шикарном плаще в знаменитом стиле *New Look* Кристиана Диора. По фотографиям

ни за что не догадаешься, какие ужасы перетерпела эта женщина в годы войны.

Нет ни одной фотографии из тысячи страшных дней, проведенных в Освенциме. Миссис Когут рассказывает, что каждый день она могла бы умереть тысячу раз. Она переходит от одного воспоминания к другому, перебирая пальцами кайму штанов, делая острые и прямые складки — выражение эмоций, обычно тщательно скрываемых. Английский — ее пятый язык, она выучила его за долгие годы, проведенные в США. Она с легкостью переходит с одного языка на другой, я изо всех сил стараюсь не отставать. У меня наготове ручка, тетрадь и длинный список вопросов. Миссис Когут тыкает в меня пальцем, пока я вожусь с записью видео на телефоне.

— А ты слушай! — приказывает она.

Я слушаю.

Одна из немногих

«Два года спустя я вошла в административное здание Освенцима, где раньше работала швеей и делала одежду для эсэсовских семей. Я работала по 10–12 часов в день. Я — одна из немногих, переживших ад Освенцима».

Ольга Ковач [1].

Обыкновенный день.

В свете из двух окон несколько женщин с белыми платками на головах сидели, склонившись над длинными деревянными столами, обложенными тканью, и работали, стежок за стежком. Они находились в подвале. Небо за окнами не символизировало свободу. Для женщин это было убежище.

Их окружали все атрибуты процветающего модного ателье. На столах — скрученные сантиметры, ножницы, катушки ниток. Рядом — стопки рулонов всевозможных тканей. Повсюду разбросаны модные журналы и жесткая бумага для выкройки. Рядом с основным рабочим местом находилась закрытая примерочная для клиентов — все под эгидой умной, талантливой Марты,

которая до недавнего времени сама содержала успешный салон в Братиславе. Помогала Марте Боришка.

Швеи работали отнюдь не в тишине. На множестве языков — словацком, немецком, венгерском, французском, польском — они говорили о работе, родных домах, семьях... иногда даже шутили. В конце концов, почти все они были молоды — девушки чуть младше или старше двадцати. Самой младшей было четырнадцать. Все звали ее Курочкой, потому что она всегда прыгала по салону, поднося кому-то булавки или заметая обрезанные нити.

Подруги работали вместе. Были Ирена, Браха и Рене, все из Братиславы, и сестра Брахи Катька, она шила утепленные шерстяные пальто для клиентов, даже когда у нее самой от холода едва двигались пальцы. Баба и Лулу — еще две швеи, близкие подруги, одна серьезная, другая любила пошутить. Гуня, женщина тридцати с чем-то лет, была для всех и подругой, и неким подобием матери, и вообще сильной женщиной. Ольга, почти ровесница Гуни, казалась девушкам помладше старухой.

Все они были еврейками.

Вместе с ними работали две французские коммунистки, мастерица по изготовлению корсетов Алида и участница сопротивления Марилу. Их арестовали и депортировали за сопротивление нацистской оккупации в их родной стране.

Всего работало 25 женщин. Когда одну из них снимали с работы и больше она не появлялась, Марта быстро находила ей замену. Она хотела, чтобы как можно больше женщин-заключенных обрели надежду на спасение. В этой комнате их звали по именам. За ее пределами у них имен не было, только номера.

Работы портнихам всегда хватало. Огромная черная книга заказов была настолько заполнена, что очередь расписывалась на полгода вперед, и высокопоставленные лица в Берлине не были исключением.

В приоритете стояли местные клиенты, в частности женщина, учредившая салон, — Хедвига Хёсс. Жена коменданта Освенцима.

Однажды из подвального ателье раздался крик ужаса и ощутился запах паленой ткани. Катастрофа. Одна из портних разглаживала платье, но утюг оказался слишком горячим и прожег ткань. След был прямо спереди, спрятать его было невозможно. Клиентка должна была прийти на примерку на следующий день. Провинившаяся портниха сходила с ума от страха, плакала:

— Что же нам делать, что же нам делать?

Другие прекратили работу, проникшись ее паникой. Вопрос стоял не просто в испорченном платье. Клиентами модного салона были жены высокопоставленных лиц в эсэсовском гарнизоне Освенцима. Жены мужчин, известных жестокими избиениями, пытками и массовыми убийствами. Мужчин, которым была подвластна жизнь каждой женщины в комнате.

Марта, главная, спокойно осмотрела повреждения.

— Знаешь, что мы сделаем? Уберем отсюда этот слой и вставим новую ткань. Только быстро...

Все принялись за дело.

На следующий день жена эсэсовца пришла на примерку в салон. Она надела платье и с удивлением осмотрела себя в зеркале.

— Что-то я не помню, чтобы дизайн был таким.

— Конечно, так и было, — ответила Марта весьма убедительно. — Ну, разве не красота? Это новый стиль... [2]

Катастрофы удалось избежать. На этот раз.

Портнихи вернулись к работе, стежок за стежком. Они знали, что проживут еще день в Освенциме.

Лица, ответственные за создание ателье в Освенциме, также были в ответе за болезненные перемены в жизни женщин, которым предстояло там работать. Двадцатью годами ранее, когда портнихи были еще

детьми, если не младенцами, они и представить не могли, что скоро наступит будущее, в котором будет бушевать индустриализированный геноцид, а в его эпицентре — создаваться одежда от-кутюр.

В детстве наш маленький мир состоит из деталей и ощущений. Например, как шерсть щекочет кожу, как замерзшие пальцы пытаются застегнуть непослушную пуговицу, как интересно из дыры в штанине на коленке вытягивается нить. Сначала наш мир ограничен стенами родительского дома, затем он расширяется — до соседских улиц, полей, лесов, городских пейзажей. Предсказать, что случится в будущем, невозможно. Со временем от прошедших лет остаются лишь обрывки воспоминаний.

Ирена Рейхенберг родилась 23 апреля 1922 года в Братиславе, красивом чехословацком городе на побережье Дуная, всего в часе езды от Вены. За три года до ее рождения провели перепись, показавшую, что население города в основном состоит из немцев, словаков и венгров. С 1918 года существовало новое Чехословацкое государство, но еврейское сообщество, составляющее почти 15 тысяч, было сосредоточено в одном квартале города, в нескольких минутах ходьбы от северного берега Дуная.

Центром еврейского квартала была Юденгассе. Иначе — «Еврейская улица». До 1840 года евреи были сегрегированы от остального города на одну покатуую улицу в Братиславе, которая была частью местного замка. Ворота на обоих концах по ночам запирались и охранялись муниципальными надзирателями, что создавало в гетто дорогу и наглядно показывало — евреи отделены от остальных жителей Братиславы.

В последующие десятилетия антисемитские законы ослабили, что позволило наиболее состоятельным еврейским семьям переехать с этой улицы в центр города. Некогда гордые барочные здания Еврейской улицы

разделили на тесно набитые многоквартирные дома для больших семей. Несмотря на то, что район считался довольно дешевым, мощные улицы всегда были чистыми, а в магазинах всегда хватало покупателей. Там жило дружное и тесное сообщество, где все друг друга знали. Все знали, кто и чем занимается. Местные жители чувствовали себя по-настоящему дома.

«Это был самый счастливый период моей жизни. Я там родилась, я там выросла, я там была с семьей», — Ирена Рейхенберг [3].

Детям на Еврейской улице жилось хорошо, они бегали друг к другу в гости, играми не давали людям прохода на дорогах и тротуарах. Ирена жила в угловом доме под номером 18, на втором этаже. В семье Рейхенбергов было восемь детей. Как всегда происходит в больших семьях, у братьев и сестер формировались особые отношения, в частности некая отдаленность между самым старшим и самым младшим. Один из братьев Ирены, Армин, работал в магазине сладостей. Со временем он переехал в Палестину, тогда находившуюся под британским мандатом, и травма Холокоста не коснулась его напрямую. Ее другой брат, Лаци Рейхенберг, работал в еврейской оптовой компании по продаже ткани. Он женился на молодой словачке по имени Турулка Фукс.

Никто в семье Ирены не думал о войне. Надеялись, что ужасы прекратились с перемирием 1918 года и образованием нового государства, Чехословакии, где евреи считались гражданами. Сама Ирена была слишком юной, чтобы оценить мир за пределами еврейского квартала. Ей, как и большинству девочек в то время, предстояло обучиться выполнять работу по дому и запланировать брак по примеру старших сестер. За Катариной, или Кете, как все ее звали, ухаживал красивый молодой человек по имени Лео Кон; Иоланда — Йолли — вышла замуж за электрика Белу

Гроттера в 1937 году. Следующей замуж вышла Фрида и стала Фридой Федервайс, и с родителями остались только Ирена, Эдит и Грете [4].

Содержание огромной семьи лежало на плечах отца Ирены, Шмуэля Рейхенберга. Шмуэль был сапожником, одним из многочисленных мастеров на Еврейской улице. О мастерстве и бедности сапожников ходили легенды еще с древних времен. Была какая-то магия в работе Шмуэля: как он вырезал куски кожи и придавал им нужную форму с помощью деревянной колодки, зашивал швы нитями, смазанными воском, заботливо забивал каждый гвоздик, склонялся над работой с раннего утра до позднего вечера, и все это без помощи техники. Денег было мало, продажи не всегда удавались. Для многих жителей Еврейской улицы новые ботинки (или даже починка старых) были непозволительной роскошью. В тяжкие межвоенные годы многие бедные люди либо стали босьяками, либо с помощью ткани привязывали к стопам поломанную обувь.

Если отец Ирены был главным добытчиком, то ее мать, Цвия (Цецилия), держала на себе все домашние дела. Ее рабочий день выходил длиннее, чем у мужа. Работа по дому была изнурительной, безо всякой техники и прислуги, помогали только дочери. Цвия ждала ребенка каждые два года, и с каждым рождением в семье появлялся еще один голодный рот, не говоря уже о дополнительной стирке и уборке. Несмотря на то, что денег в семье было мало, а людей много, Цвия изо всех сил старалась сделать так, чтобы каждый ребенок чувствовал себя особенным. Однажды на день рождения маленькая Ирена получила подарок: целое вареное яйцо, которым можно было ни с кем не делиться. Она была в восторге от подарка, об этом чуде узнали все ее друзья на Еврейской улице.

Одной из подруг была девочка из ортодоксальной еврейской семьи — Рене Унгар. Отец Рене был раввином, мать — домохозяйкой. Рене была спокойной

и умной девушкой, на год старше Ирены и, в отличие от подруги, вовсе не была стеснительной [5]. Когда ей было семь лет, она познакомилась с храброй девочкой, которая стала ей подругой на всю жизнь. Это была Браха Беркович.

«Нам там было хорошо», — Браха Беркович.

Браха родилась и провела детство за городом, в деревне Чепе в Карпатской Рутении. Эта территория находилась вдалеке от главного индустриального центра Чехословакии, и местные жители в основном занимались земледелием. Провинциальные города и деревни отличались собственными диалектами и традициями, а также уникальными ткацкими узорами.

Детство Брахи прошло в Татрах, на фоне будто бы бесконечных гор, плавно перетекающих в поля клевера, ржи, ячменя и зеленых хвостиков сахарной свеклы. На полях работали группы девушек в рубашках с пышными рукавами, широких многослойных юбках, с яркими платками на головах. Гусиные пастушки ухаживали за птицами, рабочие вспахивали землю, собирали колосья и урожай. Летом носили светлую хлопковую одежду с узорами — шахматная клетка, полоски, цветочки. Зимой носили вещи из плотной домотканой ткани и шерсти. Темная одежда выделялась на снегу. Головы оборачивали теплыми шалями с бахромой, завязывая либо под подбородком, либо сзади. Из-под теплой верхней одежды проглядывали яркие цветочные принты.

Последующая жизнь Брахи была тесно связана с одеждой, как, собственно, и ее рождение. Ее мать Каролина была вынуждена заниматься стиркой даже на поздних сроках беременности. В Карпатах женщины вставали до восхода солнца, брали связки одежды и тут же отправлялись к реке, где вставали босиком в холодную воду и принимались за стирку, а дети тем временем играли на берегу. Остальное стирали